

Пространства юношеской биографии Ю.М. Лотмана⁶⁰

В ряде работ 1970-х гг. по типологии культуры Ю.М. Лотман особенное внимание уделял проблеме пограничья, указывая на то, что человеку свойственно делить пространство на *свое* и *чужое* и переводить «социальные, религиозные, политические и родственные отношения» на «язык пространственных отношений». Границу он определял как подвижное понятие. Например, внутри города, противостоящего окружающему его пространству, могут быть свои внутренние границы; особым пространством является храм, пространство которого тоже иерархично и так далее [см. Лотман 1992: 142]. При этом Лотман неоднократно указывал на структурное и функциональное подобие между культурой как коллективным интеллектом, текстом и сознанием отдельного человека (см., например, статью «Мозг-текст-культура-искусственный интеллект» (см., например, статью «Мозг-текст-культура-искусственный интеллект»)[Лотман 1992: 29]). Особое место в поведении и сознании занимают различные «географические модели»: «...перемещаясь из одного в другое <пространство – *T. K.*>, человек как бы теряет полную идентичность самому себе, уподобляясь данному пространству. Оставаясь собой, он становится другим» [Лотман 1992а: 142].

Эти наблюдения побуждают нас к размышлениям о значении пространственных категорий в биографии самого ученого. Лотман рос в интеллигентной еврейской семье, проживавшей в Ленинграде, городе, который уже самим фактом своего возникновения был ориентирован на Европу. Родители, чье детство

⁶⁰ Статья написана при поддержке Эстонского агентства по науке (грант PUT1366) и Научного фонда Института гуманитарных исследований Таллинского университета (проект 2_НТФ00)..

и юность прошли на Украине (главным образом, в Одессе), поселились в Петербурге не ранее 1909 г. Отец, Михаил Львович Лотман (1882–1942), – родом из состоятельной семьи Финкельштейнов. В одесский период он ездил на работы в Бельгию, Англию и Францию. В юности по каким-то причинам переменял фамилию (по семейным рассказам, чтобы скрыть занятия революционной деятельностью). Переехав вместе с другими членами семьи из Одессы в Санкт-Петербург, принял лютеранско-евангелическое вероисповедание, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, два года проучился на математическом отделении, работал адвокатом, юрисконсультантом различных издательств. Мать, Александра Самойловна (1888–1963), тоже в юности бывала за границей, жила в Париже, где работала в швейной мастерской, потом в Петербурге выучилась на зубного врача и работала в поликлинике. Все четверо детей Лотманов учились в знаменитой Петришуле, где до 1928 г. обучение велось на немецком языке.

С 1923 г. семья жила в отдельной квартире в доме № 18 по Невскому проспекту, неподалеку от Дома книги, Казанского собора, Адмиралтейства, Эрмитажа, Русского музея, Филармонии. Родители были ориентированы на то, чтобы дать детям хорошее образование. В семье читали вслух русскую и мировую классику. Лидия Михайловна Лотман в воспоминаниях называет романы Чарльза Диккенса, Жюль Верна, Марка Твена, Вальтера Скотта, повести Артура Конан Дойля, рассказы А.П. Чехова, А.Т. Аверченко, Тэффи, баллады о Робин Гуде в переводе Вс.А. Рождественского, русскую народную сказку «Гуси-лебеди», книгу Януша Корчака «Король Матиуш Первый», повести Л.А. Чарской, повести и рассказы Анатоля Франса, пишет о том, как играли в Нибелунгов, ставили спектакли по пьесам Чехова, прекрасно знали историю Греции и Рима, брали уроки музыки и немецкого языка, постоянно посещали Эрмитаж, на прогулках отец рассказывал об архитектурных стилях [см. Л. Лотман 1995: 128–133]. Еврейское происхождение, укра-

инские детство и юность родителей, воспоминания об их зарубежных поездках, внимание к немецкой культуре и языку в Петришуле, мультикультурность и ориентированность на Европу Ленинграда как особого семиотического пространства, – все это формировало интеллектуальный мир Ю.М. Лотмана, для которого граница между культурным и не-культурным была важнее национальных границ.

В предисловии к своим воспоминаниям Лидия Михайловна обобщила особенности семейного взгляда на мир:

...где-то в глубине души у нас постоянно присутствовала стихийная вера в человека и в то, что нас окружают добрые люди, которые создали все хорошее вокруг нас, все, что мы любили: Эрмитаж, Русский музей (который наш папа называл музеем Александра III), филармонию, мосты через Неву, Невский проспект и кино «Светлая лента» против нашего дома. Конечно, не всегда подобное мировоззрение соответствовало общему настроению. Может быть, этот скрытый оптимизм придавал нашим представлениям об окружающем некоторую долю своеобразия. У нас был свой, семейный, взгляд на законы человеческих отношений. Признаки сохранения этих основ человеческой жизни мы постоянно замечали в общении с людьми [Л. Лотман 2007: 12].

Семейное пространство – первое и важнейшее в жизни Лотмана. Его органичным продолжением стало университетское пространство. В 1939 г., когда Лотман поступил на филологический факультет ЛГУ, старшая сестра Инна уже окончила композиторское отделение Ленинградской консерватории по классу Б.В. Асафьева и преподавала во Дворце пионеров. Лидия, окончив русское отделение филологического факультета ЛГУ, поступила в аспирантуру Пушкинского дома. Виктория была студенткой Первого Ленинградского медицинского института. Профессиональные интересы Юрия Михайловича сформировались под влиянием студенческого окружения Лидии. На первом курсе Лотман занимался изучением русско-немецких параллелей в фольклоре [см. Лотман 1995: 8].

Со второго курса университета в 1940 г. Лотман был призван в армию. Семейный и университетский круг сменился армейским. В письмах к родным появляются и социальные характеристики нового окружения – «...в нашем вагоне 2/3 – с 10-леткой и I-курсом ВУЗ'а, а остальн<ая> часть – ребята-слесаря (с семи-летн<им> образ<ованием>), очень милые в массе своей юноши» [письмо от 1 ноября 1940 г.]⁶¹, – и наблюдения над мировоззрением людей этого нового круга:

У всех нас сидит еще под тонкой корочкой дикарь. Но никогда не ожидал, чтобы такое большое колич<ество> людей (молодых) верило снам, предзнаменованиям, гаданиям и даже в существование леших, русалок и прочего, что у многих уживается с довольно сносными представлениями о естеств<енных> науках в объеме 8–10 кл<ассов> [письмо от 28 декабря 1943 г.].

Лотман прошел всю войну связистом в артиллерийском полку, был награжден двумя орденами и четырьмя боевыми медалями. С июня 1941 по апрель 1942 г. полк находился на Южном фронте, до декабря 1941 г. вел тяжелые оборонительные бои; в начале октября 1941 г. вместе с частью 18 армии попал в окружение в Запорожской области Украины, затем – движение к Ростову-на-Дону, бои у Могилев-Подольска. В апреле 1942 г. полк был переформирован и после пополнения направлен на Северный Кавказ. Летом 1942 г. – отступление к Дону и переправа с огромными потерями [см. Лотман 1995: 18–21]. С января по май 1943 г. – бои в «трудном горном районе по Терскому и Сунженскому хребтам», около года – оборона на Тереке, затем – наступление на Украине и в Западной Белоруссии. В Лотмановском архиве Таллиннского университета сохранилось девять (из пятнадцати) благодарностей от Верховного Главнокомандующего гвардии сержанту Ю.М. Лотману. Первая, от 14 июля 1944 г., – за «овладение Пинском». Из Белоруссии полк был направлен в сто-

⁶¹ Здесь и далее ссылаемся на издание: [Лотманы 2021].

рону Финляндии, но после заключения договора о перемирии (19 сентября 1944 г.) переведен в Прибалтику. Лотман участвовал в тяжелых боях под Валгой и Ригой (13 октября – благодарность за «овладение Ригой»). В конце декабря 1944 г. полк перебросили в Польшу (16 января – благодарность за боевые действия «при прорыве сильной, глубоко эшелонированной обороны противника на западном берегу Вислы южнее Варшавы»; 17 января – за «овладение Варшавой»; 18 января – за Сохачев, Скерневице и Лович; 19 января – за Лодзь, Кутно, Томашев, Гостынин и Ленчицу; 23 января – за Быдгощ). В конце января полк вступил в немецкую Померанию (29 января – благодарность за овладение городами Шенланке, Лукатц Крейц, Вольденберг и Дризен). Победу Юрий Лотман встретил на Эльбе.

Так, вместе со своим полком Юрий Михайлович прошел путь от Днестра через Ростов-на-Дону, Кавказ, Крым, Западную Украину в Белоруссию, потом в Прибалтику, Польшу и Восточную Германию. После победы он почти полтора года находился еще на военной службе в советской оккупационной зоне Германии и был демобилизован только 20 октября 1946 г.

В своих поздних «Не-мемуарах» Лотман подчеркивал:

Однако ощущение заграницы для солдата совершенно иное, чем для штатского человека. Как сказал в одном месте Лев Толстой, солдат, даже если он пересечет весь мир, все время находится в одном полковом пространстве: все тот же фельдфебель, все та же батальонная собачка, все те же обязанности и интересы. <...> образ полка постоянно присутствовал и был как бы тем стеклом, сквозь которое просматривался весь остальной мир: направление, задачи, характер действий – все было предрешиено. И если приходилось проявлять большую концентрацию индивидуальной воли, то направлена она была на то, чтобы опять влиться в это пространство [Лотман 1995: 38].

Это особое пространство полка, безусловно, пересекалось с пространством советской идеологии. Лотман – солдат (затем гвардии сержант) Красной армии, осенью 1941 г. он стал комсо-

мольцем, с сентября 1942 г. был батарейным комсоргом, в апреле 1943 г. вступил в ВКП(б). Репрезентацию некоторых советских установок находим и в его письмах (важно, однако, отметить, что письма писались с оглядкой на цензуру). Например, 25 августа 1944 г. после известий о «битве за Париж», начавшейся с восстания сторонников французского Сопротивления, Лотман сообщает:

Сегодня мы были обрадованы известием освобождения Парижа собственными руками парижан. Это показывает, что народы Европы начинают просыпаться от летаргического сна. Возможно, что это и приведет к тому революционному взрыву, на кот<орый> я сильно надеюсь.

Эта цитата может служить иллюстрацией к одной из двух важнейших географических моделей, позже описанных Лотманом в статье 1992 г. «Современность между Востоком и Западом». Статья создавалась на том этапе позднего творчества, уже после распада СССР и обретения Эстонией независимости, когда Лотман в качестве материала исследования использовал и опыт собственной жизни. В структуре географии русской культуры он выделил две противоборствующие тенденции: «центристскую» (при которой центр мировой культуры/революции находится в Москве), приводящую к изоляционизму и замкнутости, и «эксцентрическую», предполагающую, что центр мира находится за пределами России, в Европе [см. Лотман 1997: 157–158]: «...чужая цивилизация выступает для русской культуры как своеобразное зеркало и точка отсчета, и основной смысл интереса к “чужому” в России традиционно является методом самопознания» [Лотман 1997: 160].

После окончания войны Лотман почти полтора года находился в Германии в советской зоне оккупации. В той мере, в какой это было возможно для служащего советской армии, он удовлетворял свой интерес к заграничной культуре. Семья, оставшаяся

в Ленинграде, тоже интересовалась культурной жизнью. Сестра Инна просила брата прислать из Германии ноты произведений Альфредо Казеллы, Франсиса Пуленка, Альбера Русселя, Хоакина Турины, Макса Регера и Хуго Вольфа. В письмах Юрия Михайловича, наряду с постоянным мотивом, что Германия, чужая земля, сильно надоела, находим подробные описания достопримечательностей, выставок, спектаклей. Интерес к новому – стилям, художественным решениям – соседствует с представлением о Ленинграде как центре «культурной ойкумены». Так, например, дворец Сан-Суси в Потсдаме не выдерживает сравнения с архитектурой ленинградских пригородов:

Скажу, что любой павильон в Царскосельском парке, не говоря уже о царскосельском Эрмитаже, производит гораздо большее впечатление, хотя бы уже потому, что я себе не могу представить барокко (а он в бароккообразном стиле) без больших размеров, кот<орые> нельзя окинуть глазом за один раз, без чудес архитектуры, тянувшихся километры, без огромных зал, стены кот<орых> вместо обоев покрыты ценными картинами. Сан-Сусси весь размером с крупный курятник и весь отдает каким-то убожеством [письмо от 30 мая 1945 г.].

Лотман застал краткий период (с мая 1945 по август 1946 г.), когда руководство Советской оккупационной зоны поддерживало современное искусство, в том числе и авангардное, заклеившее идеологами нацизма как дегенеративное. Этот период закончился с ужесточением политики в области идеологии и культуры в СССР (постановления ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»). Среди самых ярких событий этого периода была художественная выставка в Берлине [см. каталог *Kunstaussstellung 1946*], на которой Лотман побывал и впечатления от которой отразились в нескольких его текстах. В позднем неопубликованном мемуарном очерке (продиктован в 1993 г.) он оценивает выставку очень высоко:

Мы отводили душу, выпрашивая отпускные в Берлин на двое-трое суток. Там в разрушенном, голодном, наполненном советскими, американскими, английскими и французскими солдатами и сопровождавшими их «дамами» городе неожиданно бурно расцвело левое искусство. Советский комендант (кроме него еще были американский, английский и французский) генерал Берзарин <...> был покровителем левого искусства. В Берлине были открыты выставки картин, запрещенных в гитлеровскую эпоху. Это была очень левая и *очень хорошая живопись* <курсив наш. – Т. К.>. Выставлялись художники, которые годами прятали свои полотна на чердаках и в подвалах [Отдел редких книг и рукописей Библиотеки Тартуского университета, ф. 136, ед. хр. 296, л. 7].

В письме, написанном непосредственно после посещения выставки, отзыв более сдержан, хотя и подробен:

Общее настроение – это растерянность, желание разобраться, все переоценить и переосмыслить. В этом отнош<ении> интересны работы Эвальда Феттера⁶² – одного из лучших, на мой взгляд, художников выставки. Напр<имер>, его «Автопортрет 1945 г.» представляет мужск<ое> лицо с сумасшедше-открытыми, в пол-лица, глазами. Выражение – смесь ужаса и удивления. Другие его работы, хотя и выполнены в условном сти<ле> плане, тоже мне нравятся. Краски очень свежие. Хороши, на мой взгляд, также бытовые картины Кретцшмара⁶³. Они сильно напоминают Курта Пайзера (помните на бельгийской выставке в Эрмитаже в 40 г.⁶⁴) и Ван-Гога. Собственно говоря, это и все, что мне понравилось из картин. Интересны, правда, не в художеств<енном> отнош<ении> попытки проф. Целлера. Он пытается осмыслить фашизм через иконопись раннего средневековья. Его картины: «Весна годом позже»⁶⁵, «Похороны государства», «Мое царство не от мира сего» и др<угие> представляют Гитлера, Геринга и др<угих> в манере сред-

⁶² На выставке было представлено шесть картин Эвальда Феттера: «Автопортрет 1945», «Ваза с магнолиями», «Встреча», «Лилии», «Портрет Кете Кольвиц», «Утешители».

⁶³ Были представлены четыре картины Бернхарда Кретцшмара: «Бильярдист», «Званный и незванный гость», «Облачный зверь», «Сусанна».

⁶⁴ Выставка бельгийского искусства XIX–XX вв. открылась в Эрмитаже в 1937 г.; см. [Миллер 1937].

⁶⁵ Возможно, речь идет о представленной на выставке картине «Пятьдесят лет спустя».

невековых (хотя бы Л. Кранаха) мастеров, рисующих князей тьмы, сопровожда⁶⁶ их чертами с огненными косами и замученными жертвами, одной рукой указующими на раны, а др⁶⁷угой на истязателя. В таком же «иконном» стиле и «Hitlerstaat», кот⁶⁸орую я вкладываю в письмо. На др⁶⁷угой стороне последняя предсмертная работа скульпторши Кете Кольвиц – «Жалоба». Вещь с настроением. Однако лучшим, по-моему, из пластики является несколько вещей берлинского скульптора Георга Кольбе⁶⁸, по манере сильно напоминающего Родена. В отделе графики тоже есть неплохие вещи. Однако все же общее впечатление далеко не отрадное: очень много странного, спорного или просто плохого и бездарного. Из всей выставки я, пожалуй, только Кретцшмара и Феттера, а из скульптуры – Кольбе хотел бы видеть в Эрмитаже. Возможно, что и тут впечатление преувеличено, тем потому что уже давно не видел путной картины.

Формула «хотел бы видеть в Эрмитаже» не случайна. Эрмитаж – один из центров главного лотмановского пространства – семейного, интеллигентского; о нем он спрашивает в письмах как о близком родственнике. 26 ноября 1944 г.: «Из газет же я узнал, что Эрмитаж открылся для посетителей. Были ли вы там? Много ли эвакуировано, что на месте?». 28 декабря 1944 г.: «Особенно меня интересует – что сейчас есть во вновь открывшемся Эрмитаже»; «Несмотря на 5 лет у меня все картины (до мелких) и сейчас перед глазами, и я могу любую представить до мелочей».

Яркие впечатления Лотман получил и от театральной жизни того времени:

Одновременно в Берлине, разрушенном и голодном, где нельзя было найти целого кирпича (весь город был – сплошные холмы кирпичной

⁶⁶ Помимо перечисленных Юрием Михайловичем на выставке были представлены еще пять картин Магнуса Целлера: «Баррикада», «Деревня вечером», «Лесное озеро», «Осенняя улица», «Портрет моей дочери».

⁶⁷ «Гитлеровское государство» (с нем.)

⁶⁸ На выставке были представлены шесть работ Георга Кольбе: «Дорога», «Коленопрекоренная. Большая скульптура», «Макс Либерман. Бюст», «Освобожденный», «Статуэтка», «Падающий. Большая скульптура».

пыли, среди которой бродили голодные проститутки) сразу открылось несколько театров: на советской зоне Штатсопер (Государственная опера) и на английской – Берлинеропер. Штатсопер был левый театр. Там ставили запрещенные гитлеровцами пьесы, и ставили прекрасно. Лучшее, по-моему, что я там видел, была опера Оффенбаха «Сказки Гофмана». Помню потрясающую в режиссерском и постановочном отношении сцену. Весь пол был покрыт зеркалом, и по этому полу плыла венецианская гондола, в которой сидел Гофман и его возлюбленная, венская певица, исполняя дуэт: «Ночь блаженства, ночь любви». Не знаю, оставшиеся ли это у меня впечатления изголодавшихся по искусству глаз, или все это в самом деле было так сказочно прекрасно. Между тем во французской и английской зоне приступила к работе традиционная берлинская опера, которая тоже с прекрасными голосами ставила Россини в традиционной классической манере. Мы буквально купались в этой музыке [Отдел редких книг и рукописей Библиотеки Тартуского университета, ф. 136, ед. хр. 296, л. 8].

В письмах, написанных непосредственно после увиденных спектаклей, встречаем постоянные отсылки к предыдущему – ленинградскому – эстетическому опыту. В марте 1946 г. в Немецкой государственной опере Лотман посмотрел «Евгения Онегина» (инсценировка Вольфа Фелькера; художник – Карл Долл; постановка танцев – Владимир Воронцофф):

Наряду с приятным встретились и неожиданности: Ларина оказалась чересчур молода⁶⁹, а Онегин настолько стар⁷⁰, что казался дедушкой Гремина. Мы все надеялись, что по какой-либо счастливой случайности его убьют на дуэли, а Ленский – хороший тенор печковскообразного вида⁷¹ – останется жив. Но судьба неотвратима! Старик дрожащею рукой убил симпатичного тенора, лакейски поклонился его трупу и отправился объясняться в любви Татьяне. Татьяна была очень хороша⁷², и поэтому сцена с письмом вышла лучше всего.

⁶⁹ Ирмгард Лангхаммер-Клейн, которая исполняла роль Лариной, в то время было 38 лет.

⁷⁰ Вилли Домграф-Фасбендеру (Онегин) было в то время 49 лет.

⁷¹ Партию Ленского исполнял Эрих Витте; Юрий Михайлович сравнивает его с солистом Ленинградского театра оперы и балета Н.К. Печковским.

⁷² Партию Татьяны исполняла известная солистка Немецкой Государственной оперы Тиана Лемнитц.

Я был очень ~~похож~~ польщен, увидав у няни нос раза в три больше моего. Вообще, няня и видом, и костюмом очень походила на цыганку Азучену из «Трубадура» [письмо от 23 марта 1946 г.].

В одном из писем Лотмана сохранилось редкое описание постановок Татьяны Васильевны Гзовской, сестры слависта Александра Исаченко, работами которого Юрий Михайлович позже увлекался. Татьяна Васильевна уехала из советской России в 1925 г. С 1935 г. стала известным балетмейстером, создателем стиля драматического балета. Один из ее спектаклей нацистская цензура объявила «антипатриотическим и дегенеративным». В 1945 г. Гзовская была приглашена властями советской оккупационной зоны в Немецкий оперный театр, в котором проработала до 1952 г., когда из-за отказа придерживаться социалистического реализма вступила в конфликт с властями ГДР и уехала в Западный Берлин. Лотман описывает балет «Дон-Жуан» на музыку Глюка:

Постановка под сильным <влиянием> импрессионизма.

Старик Глюк, наверное, не предполагал даже, что можно столько жути нагнать в его балет. Заклю<чительную> сцену постановщик несколько заострил, и мне кажется, что удачно. У Глюка кончается тем, что престарелый Дон-Жуан видит тень Донны-Анны, а потом Командора и умирает. Поставлено так, что, когда Дон-Ж<уан> бросает<ся> от одетой в черное тени Д<онны>-Анны, со всех сторон возникают женские тени, одетые в черное. Следует танец с подчеркнута углов<атыми> движ<ениями>, рассчит<анными> на «нагонение жути». После этого постепенно освещается зеркало в глубине сцены. Обернувшись к нему, Д<он>-Ж<уан> видит в нем не Командора, а самого себя молодым, в зеркале проходят облитые фосфорич<еским> светом любовн<ые> сцены: Д.-Ж. с Церлиной, Д.-Анной, Эльвирой и т. д., причем живой Д.-Ж. копирует его движения. После этого Д.-Ж. бьется на шпагах со своим отражением и падает мертвым [письмо от 7 апреля 1946 г.].

В письмах Лотмана мы видим соседство центристской и эксцентричной моделей отношения к заграничному пространству. Значимым оказывается сам факт пересечения границы⁷³.

В апреле-мае 1944 г., когда полк находился на Волыни, бывшей польской территории, Лотман сообщил об этом индифферентно, отсылая адресатов к хорошо знакомому «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина: «Я совершил большой переезд из земли Гирея в землю его последней жены» [письмо от 25 апреля 1944 г.]. Есть намек и на то, что эта граница новая, образованная в результате последних политических событий (Волынь в составе других польских территорий была присоединена к Украинской ССР в 1939 г. по секретному приложению к пакту Молотова-Риббентропа): «Вдыхаю запах западно-европейских болот и кормлю многочисл<енных> заграничных комаров. Впр<очем> этих комаров можно уже считать отечественными» [письмо от 30 мая 1944 г.].

Сразу после отступления Красной армии летом 1941 г. на Волыни было восстановлено распространенное для этих мест хуторское ведение хозяйства. С 1942 г. усиливался конфликт между поляками и украинцами, приведший к массовым убийствам поляков, получившим название «волынской резни». Об этих событиях упомянуто и в письмах Лотмана: «Обстановка здесь очень интересная – с одной стороны – массовое движение красных партизан, с другой своеобразная и довольно неприятная гверилья» [письмо от 25 апреля 1944 г.]. «Здесь много нового и интересного, особенно для человека, не видавшего

⁷³ В лекционных курсах о Пушкине Юрий Михайлович неоднократно (и очень эмоционально) цитировал отрывок из «Путешествия в Арзрум»: «Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я всё еще находился в России».

ни частного владения, ни земли, ни острых национальных противоречий» [письмо от 15 мая 1944 г.].

Для Лотмана заграничное пространство – чужое, даже положительные черты национального характера он воспринимает как опасные:

Местные жители очень вежливы и предупредительны, но я предпочел бы слушать ругань какой-либо тетки или старика в Донбассе или на Днепре, чем их вежливость, т. к. там, даже если и плохое, да свое. Вообще я за это время совсем отвык от вежливости, но зато привык к искренности [письмо от 15 мая 1944 г.].

В октябре 1944 г. полк находился уже на территории, присоединенной в 1939 г. к Латвии. Лотман сообщает об этом местонахождении теперь уже с отсылкой к биографии Петра Первого и его жены и дает понять, что он находится в районе Мариенбурга (ныне Алуксне):

Мы каждый день продвигаемся вперед и город, где Екат<ерина> I служила горничной у пастора, уже недалеко. Наш наблюдательный пункт был на церкви, где все оказалось в полной сохранности, совершенно не разбито. <...> Церкви здесь очень забавные – со скамеечками, покрашенными масляной краской, с электрическим освещением и даже с электрич<ескими> звонками и телефоном в задней комнате [письмо от 29 сентября 1944 г.].

Попадая на новые территории, Лотман прежде всего пополнял свои книжные запасы, так как непрерывно, несмотря ни на какие трудности, занимался самообразованием⁷⁴. Среди редких книг был и «Закат Европы» Освальда Шпенглера, чтение которого сильно повлияло на лотмановские размышления о законах развития человечества. В письмах появляются рассуждения о необходимости взаимосвязанного изучения быта, науки, философии, техники и общественной мысли. Особенно интере-

⁷⁴ См. об этом подробнее в нашей статье: [Кузовкина 2019].

сен для Лотмана процесс возникновения диалектического мышления в контексте русской культуры XIX в⁷⁵. Критично высказывание о книге Макса Штирнера «Единственный и его собственность»: «Читаю, но поддается туго. Чуть челюсть не свернул зеваючи, но для эрудиции стараюсь прочесть; Освальд Шпенглер хоть пишет увлекательно, а это скука смертная» [письмо от 6 октября 1944 г.]. 10 ноября 1944 г.: «Недавно прочел полное собрание И. Северянина – ощущение словно съел ваты с сахаром – мягко, сладко и противно». В руки к Лотману попало и рижское издание «Дней Турбиных» М.А. Булгакова («книга очень хорошая»).

В январе 1945 г. полк вступил в немецкую Померанию: «У нас сейчас очень много разговоров о нормах поведения в Германии в связи с вопросом мести. Этот вопрос понимается многими по-разному и на этой почве идут непрерывные дебаты» [письмо от 29 сентября 1944 г.]. Тема мести – уже в применении к собственному опыту – поднимается и в письме от 5 мая 1945 г., где Лотман делится впечатлениями от увиденного в Германии:

Вообще, Германия последних лет совершенно не являлась страной немцев. В каждом городке или деревне иностранных рабочих столько же, сколько и немцев. <...> В мелком крестьянском хозяйстве иностранных рабочих было 3–4. Работали очень много. Бить рабочих запретили только в 45 г., после прорыва наших на Висле. На рукаве или на груди была пришита бирка – у поляков «Р», у русских, украинцев или белорусов «OST». В последний год надпись «OST» заменили каким-то узором «украинского» типа. Очень силен был полицейский надзор – в 9 ч. рабочие обязательно у себя дома. Если полицейский поймает его на улице или не застанет дома – штраф. Парень, с кот<орым> мы беседовали, говорил нам, что за два с половиной года, кот<орые> он работал у своего бауера (хозяина), он первый раз при нас зашел в комнату. За ухаживание за немками иностранных рабочих вешали.

⁷⁵ См. подробнее о влиянии книги Освальда Шпенглера на творчество Лотмана в нашей статье: [Кузовкина 2020].

Мы побывали в крупной латифундии. Одних русских рабочих там было несколько сотен. Жили все в бараках. Сам хозяин жил в особняке в Берлине, и рабочие его почти не видали (мы его застали в поместье). Всем поместьем управлял «герр инспектор».

После того, как все женщины и особенно мальчишки нам начали жаловаться, что он всем повыбивал зубы, бил палками и т. д., мы, взяв мальчика, кот<орому> он палкой перебил руку, пошли к нему домой. Сначала он отказывался от того, что бил рабочих, но, припертый к стене, признался, что бил, но «легко», «как отец». Я еле удержался, чтобы не застрелить эту гадину. Мы отобрали у него пистолет, закопанный в огороде, револьвер и ружья, но трогать его не стали. Потом разберутся, хотя, на мой взгляд, он вполне заслуживает расстрела. Он член фашистской партии с 1933 г. Самое гнусное в нем то, что даже уличенный во всем, он начинает говорить о том, что всегда был другом русских рабочих, в нац<ионал>-соц<иалистическую> партию вступил по принуждению, а сам в душе антифашист, и т. д. и т. п.

Письма Лотмана свидетельствуют, однако, о том, что немецкую культуру он отделял от политики. Так постоянны в письмах отсылки к творчеству Гейне; обнаружены 12 переводов его стихотворений, сделанных Лотманом на фронте. Культурное пространство – мир семьи, реконструкцией которого Лотман все время занимался в своих письмах. Это пространство защищало его от воздействия чужого пространства, помогало сохранить личность в жестоких условиях войны. Характерно письмо к сестре Виктории от 31 марта 1945 г., где Лотман сообщает, что нашел том из такого же собрания сочинений Генриха Гейне, какое было у них дома:

Не знаю, писал ли я тебе или нет, но один том лирич<еских> стихов Гейне я нашел еще на Днестре в 41 г. и после этого носил его в противогазе до самого Кавказа, вынеся из всех окружений. В заключение он по нелепой случайности погиб. Так что встреча была все равно, что со старым другом. Для меня за каждым стихотворением тянется целая борода воспоминаний.

В статье «Современность между Востоком и Западом» Лотман писал, что «соотношение реальной географии и географии мифологической» является важным фактором в динамике культуры [Лотман 1997: 157]. Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод о том, что это соотношение определяло и динамику развития его собственной личности. Семейное, университетское и военное пространство Лотмана, находясь в сложном взаимодействии, формировали его личность и научные интересы. В позднем творчестве особенный интерес вызывало изучение механизма влияния отдельной личности на глобальные культурные и исторические процессы.

Литература

Кузовкина Т.Д. «Жив, жив против воли богов»: Концепция воли в творчестве Ю.М. Лотмана // Категории воля и принуждение в славянских культурах. Сб. науч. статей / Сост., отв. ред. Н.В. Злыднева. М., 2019.

Кузовкина Т.Д. О книге Освальда Шпенглера в письмах с фронта: К истории формирования культурологических идей Юрия Лотмана // Освальд Шпенглер и славяне. Коллективная монография / Отв. ред. Роман Мних. Седльце, 2020.

Лотман Л.М. Мои воспоминания о брате Юрии Михайловиче Лотмане. Детские и юношеские годы // Лотмановский сборник 1 / Ред. Е.В. Пермяков. М., 1995.

Лотман Л.М. Воспоминания. СПб., 2007.

Лотман Ю.М. Миф-имя-культура-искусственный интеллект // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Таллин, 1992.

Лотман Ю.М. Текст и полиглотизм культуры // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Таллин, 1992 а.

Лотман Ю.М. Не-мемуары / [Запись и публикация Е.А. Погосян] // Лотмановский сборник 1 / Ред. Е.В. Пермяков. М., 1995.

Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом / [Публикация Т.Д. Кузовкиной] // Знамя. 1997. № 9.

Лотманы. Семейная переписка 1940–1946 / Составл., коммент., предисл. Т.Д. Кузовкиной, Л.Э. Найдич, Н.Ю. Образцовой, Г.Г. Суперфина. Таллинн, 2021 (в печати).

[*Миллер В.Ф.*] Бельгийское искусство XIX–XX веков. Выставка, Ленинград, 1937: [Путеводитель] / Составил В.Ф. Миллер. Л., 1937.

Gor'kij M. Meister-Erzählungen, Aus d. Russ. übers. von Bodo von Loßberg, Berlin, 1928.

Kunstaussstellung – 1. deutsche Kunstaussstellung der Deutschen Zentralverwaltung für Volksbildung in der Sowjetischen Besatzungszone. Mai–Juni 1946. Berlin, 1946.

Аннотация

В статье речь идет о динамическом взаимодействии различных пространств в биографии Ю.М. Лотмана. Материал исследования – письма семьи Лотманов 1940–1946 гг. – времени, когда Лотман находился в действующей армии. Интеллигентная семья сформировала его интерес к знанию, культурам разных народов, активной познавательной деятельности. Во время службы в армии Лотман занимался самообразованием, активно впитывал заграничные культурные впечатления. Юношеское мировоззрение военных лет стало предметом осмысления в работах последних лет. В письмах Лотмана есть примеры описанной им в 1992 г. центристской географической культурной модели: оценка СССР как центра мировой революции, а Петербурга и Эрмитажа как центра «культурной ойкумены». Но одновременно с этим письма иллюстрируют и эксцентрическую культурную модель. Лотман отмечал особенности бытового уклада и межнациональных отношений, подробно описывал впечатления от берлинских выставок и спектаклей. Взаимодействие реальной и мифологической географий определяло динамику развития личности Ю.М. Лотмана, формировало его интеллектуальные и научные интересы.

Ключевые слова: Ю.М. Лотман, биография, реальная и мифологическая география, культурное пространство, граница.

Summary:

Tatiana Kuzovkina

Realms of the Youthful Biography of Yu.M. Lotman

The essay focuses on the dynamic interaction of different spatial topoi in the biography of Yu. M. Lotman. The study bears on Lotman's letters to his family between 1940 and 1946 – a time when Lotman was in the army. His interests in the field of science and various national cultures, his cognitive activity were generated by his highly intellectual family. While serving in the army, Lotman was engaged in self-education and actively absorbed impressions of the foreign culture. The worldview of the young person during the war became the subject of reflection in the works of his later years. Lotman's letters contain examples of the centrist geographical cultural model he described in 1992: the USSR is the center of the world revolution, while Petersburg and the Hermitage are the center of the “cultural ecumene.” At the same time, the letters reflect an alternative eccentric cultural model. Lotman noted peculiarities of the foreign daily life and interethnic relations and described in detail the impressions of exhibitions and performances in Berlin. Interaction of real and mythological geography determined the evolution of Lotman's personality and shaped his intellectual and scholarly fields of interest.

Keywords: Yu.M. Lotman, biography, real and mythological geography, cultural space, border-zone.